

Пребывание Е.П.Б[лаватской] в Италии, неподалеку от Неаполя, в Torre del Greco, где она оставалась почти четыре месяца, было одним из печальнейших эпизодов ее жизни. Уезжая из Адиара, она дала слово Олькоту не подавать и признака жизни кому бы то ни было, чтоб и не знали, где она находится... Президент Об^{[шест]ва} думал, что так скорее утихнут злобствования шотландских индо-иезуитов¹ и забудется поднятая ими кутерьма. Она держала слово, и кроме самых близких ей людей никому не писала. Она жила первые месяца два в совершенном одиночестве и в отвратительной, грязной, тесной обстановке италийанской третории² третьего разряда с невозбранно дувшими сквозняками, пропитанными зловонными испарениями, – с одной стороны, всевозможных отбросков нечистоплотной италийанской жизни, с другой, удушливыми газами и дымом особенно беспокойного в тот год Везувия. На беду лето выдалось необычайно серое и холодное, а у нее, как уже сказано, необходимейшие вещи были забыты в Адиаре, а купить другие первое время не на что было. Знай многочисленные друзья ее, в каком она положении, нет сомнения, что ее ни дня не оставили бы одну и в такой нужде, но никто ничего не знал ни в Индии, – где не причастные к ее оправке (весьма похожей на изгнание) члены ее Об^{[шест]ва} немедленно подняли из-за нее бунт против Олькота, требуя ее возвращения, ее главенства в Т[еософическом] О[бществе], – ни в Европе, с которой она временно прекратила сношения. Кроме лишения во всем необходимом, – и это при безнадежном состоянии ее разбитого в конец здоровья: при острых ревматизмах, не перемежавшейся лихорадке, хронических болях в желудке, печени и почках! – она не имела ни секунды покоя, потому что не было при ней даже горничной! Мисс Флин делала, что могла и умела, и бестолковый индус (впоследствии тоже оказавшийся предателем и негодяем) вначале снисходил до подметания комнат и ходьбы за кушанием, но оба не знали ни слова ни на каком языке, кроме английского, и за всякой мелочью, за всякой дразгой жизни приходилось обращаться к³ Е[лене] П[етровне], ее отрывать от дела по двадцати раз на дню.

И при такой обстановке и таких обстоятельствах Е[лена] П[етровна] начала приводить в порядок материалы и принялась писать свою «Тайную Доктрину», давшую ей окончательно всемирную известность.

Но, разумеется, долго так продолжаться не могло. Усердно разыскивавшие ее местопребывания друзья, искренние или прикидывавшиеся таковыми, наконец узнали ее адрес и со всех сторон полетели письма с выражениями симпатии, полного доверия, неизменной преданности⁴, с призывами и горячими просьбами осчастливить своим приездом. Из Англии, Франции, Германии – отовсюду – отозвались дружескими приветами и завалили маленькую, невзрачную комнатку в Торре-дель-Греко письмами.

Кто не мог звать к себе, тот выражал непереносимое желание сам побывать... Из числа прежде всех отзывавшихся был Вс. С.Соловьев. Он писал из Парижа от 18 мая 1885 г.:

«...Во всяком случае, дорогая Елена Петровна, сомневаться в моем к вам искреннем расположении вы не имеете никакого права. Я не меняюсь – это не в моем нраве. Я тоже был очень болен...» и пр. И далее: «Все пустяки, все здешнее – un mauvais quart d'heure à passer, rien que ça⁵. Может быть пустяком и проделка ваших врагов относительно исследования феноменов... Но силе надо противопоставлять силу. Я должен видаться с вами!...»⁶

За сим следовали предположения, как и где встретиться. Еще ранее она поручала г[осподину] Соловьеву разные дела в Париже, в особенности относительно переводившейся в то время «Разоблаченной Изиды» – первого ее научного сочинения, о котором он всегда отзывался с

¹ Речь идет о миссионерах Шотландской свободной церкви (протестантская деноминация), которые направляли клеветническую деятельность Куломбов.

² Траттория (*ит. trattoria*) – ресторанчик, трактир.

³ Далее зачеркнуто: *ней*.

⁴ Далее зачеркнуто: *и*.

⁵ паршиво проведенные четверть часа и больше ничего (*фр.*).

⁶ ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 88. Л. 25, 26об.

величайшим восторгом, читая ее по мере того, как она выходила в рукописи переводчика⁷. Еще в Июле 1884 года он мне писал в Одессу то же, что когда-то говорил об этой книге архиепископ Айвазовский⁸:

«Читаю вторую часть “Изиды” и совершенно убеждаюсь, что это феномен!..»⁹

А позже, в Октябре, перед отъездом сестры в Индию г[осподин] Соловьев просил ее (письмом от 22 Окт[ября] [18]84 г.), чтоб она прислала рукопись первой переведенной уже части, так как это сочинение «необходимо издать для парижского Т[еософического] Об[щества], крайне в нем нуждающегося». Он рассчитывал, что герцогиня де Помар как женщина очень богатая издаст¹⁰ книгу на свой счет, что находил ее «прямой обязанностью»¹¹... Вообще сношения между Еленой Петровной и Всеволодом Серг[еевичем] Соловьевым не прерывались так или иначе, [были] самые дружеские, самые деятельные. Говорю так или иначе потому, что ни один из сторонников сестры моей в Европе, а тем менее из русских людей, не верил¹² так ее психическим силам и не прославлял так усердно ее феноменов, как г[осподин] Соловьев. У меня, никогда не останавливавшейся в заявлениях своего положительного неверия в появление Махатм в их астральных телах, в сотворение из ничего материальных предметов и т.п. вещи, были с ним частые споры.¹³ Как бы то ни было, считая г[осподина] Соловьева человеком вполне правдивым, мне оставалось лишь удивляться изумительным чудесам, которые с ним творились... Он не только воочию видел Махатму Морию, не только чуть не из рук в руки получал записки Махатмы Кут-Хуми¹⁴, он даже удосужился увидеть саму Елену Петровну в ее астральном теле и слышать голос

⁷ Е[лена] П[етровна] позволила перевести «Isis Unveiled» безвозмездно в пользу Парижского Т[еософического] Об[щества]. Но переводчик ее умер, не окончив перевода, и до сих пор книга не напечатана. – *Примечание В.П.Желиховской.*

⁸ «Правду сказал мне архиепископ армян на Кавказе, преосвященный Айвазовский, прочтя первое сочинение Елены Петровны “Isis Unveiled” и вместе книгу Олькотта “People from the other World”:

– Зачем все эти бессмысленные, медиумические проявления?.. Они ничто пред феноменом осмысленным и неопровержимым этих двух томов со всеми их ссылками!.. В них заключается труд, который мог бы поглотить целую жизнь ученого; а их в семь месяцев написала женщина!» (*Желиховская В.П. Елена Петровна Блаватская. Биографический очерк // Русское обозрение, 1891, №12. С. 603.*)

Айвазовский Гавриил Константинович (1812–1879) – армянский архиепископ, историк, брат художника И.К.Айвазовского.

⁹ Из письма Вс. С.Соловьева В.П.Желиховской, 7/19 июля 1884 г., Париж // ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 87. Л. 4об.

¹⁰ Далее зачеркнуто: *ее.*

¹¹ ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 87. Л. 25об.–26.

¹² Далее зачеркнуто: *и не прославлял.*

¹³ Далее зачеркнуто: *Он даже говорил, убе.*

¹⁴ Получив от Вс. С.Соловьева подробный рассказ о том, как именно явился ему призрак Махатмы Мории (в начале Сент[ября] [18]84 г. в Эльберфельде) с описанием предшествовавших и последовавших за этим магическим визитом событий (в той самой редакции, в которой он отослал отчет в этом происшествии в журнал Лонд[онского] Психического Об[щества]*, я задала ему несколько частных вопросов. Отвечая на них, он предположил, что в видении этом могла сказаться сила гипнотического внушения, но прибавил следующее показание: «...Но вот – факт. Там же я получил, к великой зависти теософов, собственноручную записку Кут-Хуми, и даже на русском языке. Что она очутилась в тетради, которую я держал в руке, меня несколько не удивило, – я это заранее предчувствовал и почти знал. Но поразило меня то, что в этой записочке говорилось ясно и определенно именно о том, о чем мы говорили за минуту. В ней был ответ на мои слова, а в течение этой минуты я стоял один, никто не подходил ко мне, и если предположить, что кто-нибудь заранее положил в тетрадь записочку, то этот кто-нибудь, значит, овладел моей мыслью и заставил меня сказать те слова, прямой ответ на которые находился в записочке. Этот изумительный феномен я отчетливо наблюдал несколько раз над собой и над другими (?). Какова сила?! А рядом с этой силой, какое иногда бессилие!»**

Сила была велика, – в чем нет сомнения. Хотя никто, кажется, никогда не заподозривал в Е[лене] П[етровне] сил гипнотических. В том же письме из Парижа от 21 Ноября [18]84 г. г[осподин] Соловьев заявляет такое решение: «Когда окончится ее (Е.П.Б[лаватской]) существование, которое (я должен так думать) поддерживается теперь только искусственно магической силой (так твердо он тогда верил силе Махатм, явствует из всех его писем!), – я буду вечно оплакивать эту несчастнейшую и замечательнейшую женщину!»***

* Appendix XXXVIII // First Report of the Committee of the Society for Psychical Research Appointed to Investigate the Evidence for Marvellous Phenomena Offered by certain Members of The Theosophical Society. London, 1884. P. 123–126 (Первый отчет комитета Общества психических исследований, назначенного для расследования доказательств чудесных феноменов, представленных некоторыми членами Теософского общества. Лондон, 1884. С. 123–126).

** Из письма Вс. С.Соловьева В.П.Желиховской, 9/21 ноября 1884 г., Париж // ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 87. Л. 37–37об.

ее в то время, как сама она лично была в Индии... Для доказательства, что я не клепаю на его ясновидение, привожу выписку из собственноручного письма Вс. С.Соловьева от 22 Декабря 1884 г., которым он свидетельствует этот замечательный факт:

«...Недели три тому назад мы обедали в знакомой вам зеленой столовой с [Вишневецкой]¹⁵. Ел я с аппетитом, пил, как и всегда, очень немного, – одним словом, был в своем виде. Окончив обед, пошел я наверх в свою комнату за сигарой. Отворил дверь, зажег спичку, засветил свечу – *a передо мной стоит Елена Петровна* в своем черном балахоне... *Поклонилась, улыбнулась – “вот и я!” – и исчезла.* Что же это, наконец, такое?!!»¹⁶

Что такое – в самом деле? Вероятно, особенно сильное желание его ее видеть привлекло ее *perésprit*¹⁷ из Адиара во Францию, или она в *астральном* своем теле пожелала, быть может, отдать ему раз навсегда визит за его неоднократные посещения *en chair et en os*¹⁸ ее различных местожительств – в Париже, Эльберфельде, в Вюрцбурге. Как бы то ни было, но таков факт, что в то время, по-видимому, не было у Е.П.Б[лаватской] друга преданнее этого «дорогого соотечественника», как она его называла, – «кандидата в челы индийских Махатм», могуществу которых он верил так же безусловно, как самые завзятые индусы-брамины. Как те семьдесят ученых, которые тогда же написали следующее (приводимое вкратце) показание из *Неганатама*, страны *пандитов* по преимуществу:

«Мы, нижеподписавшиеся, несказанно удивлены, прочитав “Отчет Психического Лондонского Об[щества] о Теософии”. Смеем заявить, что существование *Махатм* или иначе *Садху* никоим образом никем *не измышлено* – ни г[оспо]жой Блаватской и ни кем другим. Наши прапрадеды, жившие и умершие задолго до рождения Mme Blavatsky, имели полную веру в их существование и психические силы, знали их и видели. И в настоящее время есть много лиц в Индии, не имеющих ничего общего с Теос[офическим] Об[ществом], но имеющих постоянные сношения с эти[ми] высшими существами (Superior Beings). Мы владеем многими средствами для доказательства этих достоверных фактов, но нет у нас ни времени, ни охоты входить в подробности. Пусть Mr Ходсон и его “комитет”, если они смотрят на дело серьезно, поищут правды поглубже, и тогда может найдут, что поторопились и составили весьма ошибочное заключение... наших верований г[осподин] Ходсон не поколеблет нимало, но он со своим “комитетом” выказали великое невежество и незнание истории Индии и индусов... Сдается нам, что пресловутое Об[щество] для Психических изысканий не удовлетворило ни единой надежды мистиков, возложивших упование на его открытия, но более грубой ошибки, как его “Отчет о Теософии” никогда еще оно не совершало»¹⁹.

Дело в том, что не на одних индусов, а на тысячи и тысячи европейцев недобросовестно веденное юным, самолюбивым и предубежденным Mr[ом] Ходсоном следствие в Адиаре, его неосновательные заключения и злорадная поспешность Психического Об[щества], устремившегося «убивать Блаватскую», по свидетельству *одного* человека, – произвели невыгодное впечатление. Пребывание членов в Т[еософическое] Об[щество] не только не убавилось, но напротив усилилось. Многие, равнодушно относившиеся к пропаганде, вдалились в нее сириозней и взяли дипломы на членство. Сотни свидетельств лиц всех наций лежат предо мною; я возьму на выдержку из той кипы статей, которая мне еще не служила для биографий Е.П.Блаватской.

Вот что пишет доктор медицины Арчибальд Китлей²⁰.

«Я присутствовал не раз на митингах, где читались отчеты Психическ[ого] Об[щества]; они не произвели на меня ни малейшего впечатления. Я много читал юридических розысков и следствий, а потому это дело поразило меня своей несостоятельностью... Что касается других обвинений на г[оспо]жу Блаватскую, то ведь ее учение, знания, ум нам известны... К тому же я вполне и

*** Там же. Л. 37об.

¹⁵ Парижская знакомая Вс. Соловьева.

¹⁶ ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 87. Л. 43об.

¹⁷ Астральный двойник.

¹⁸ во плоти (*фр.*).

¹⁹ *Boston Courier*, July 18, 1886.

²⁰ Китли Арчибальд (1859–1930) – английский врач, теософ, двоюродный брат Б.Китли.

непоколебимо верю в существование Учителей, потому что в моем убеждении они составляют необходимое звено в эволюции бытия человеческого...» (Lucifer, July, 1891).

Другой известный писатель и ученый Franz Hartmann, Др Богословия (в том же № «Люсифера»), так определяет свое верование в этих высших адептов: «Не каждый ли человек располагает земной и небесной жизнью?.. Большинству, опутанному петлями этого мира иллюзий, иллюзии эти кажутся действительностью, а жизнь небесная – мечтою! Но бывают избранные, внутренняя жизнь коих полнее пробуждает к сознанию, что будущая духовная жизнь есть истинное существование, а здешняя лишь кратковременный сон – тяжкий кошмар. Факт двойственного существования был признан всеми святыми и мудрецами и ведом всем, способным углубляться в самосознание присущего нам божественного духа. О нем Библия, и Новый Завет, и Багават-Гита говорят много раз. Апостол прямо указывает на такую двойственность жизни *посвященного* во плоти и вместе в духе, говоря: “Мы живем на земле, но сознание наше – на небеси...” Почему не допустить, что могут быть и такие (люди духа), в коих свет окончательно поглотил тьму? Такие, в которых не существует более “*греховного тела*”. Они-то и суть вполне развитые Адепты истины, каковым представлял себя Св. Павел²¹ в послании к Римлянам (гл. VII, 5–6), говоря: “Когда мы жили по плоти, то греховные страсти, обнаружившиеся чрез закон, действовали в членах наших, чтобы приносить плод смерти. Но ныне, умерши для закона, который нас связывал, мы освободились, дабы нам служить в новом духе, а не по ветхой букве”... То обстоятельство, что современный свет не знает о существовании людей святой жизни, – продолжает Др Гартманн, – что современная наука отрицает святых, нимало не разрушает теории, что *бывают* люди, в которых божественные начала, заключающиеся в каждом из нас, достигают такого развития, что высшие области духовных знаний, недостижимые прилепившимся исключительно к земному, им открываются. Души таковых, приобрет самосознание в свете духовном, понятно, приобретают необычайные способности, силы и власть, ибо они, по слову Св. Иоанна, “от Бога рождены”²²»...

Подобные толкования и многие другие впоследствии нам уяснили несколько суть того, что понимают теософы под личностями своих Махатм, Архатов или Гуру, Радж-Иогов, Братии Учителей, Садху – имен у них [имеется] столько же, сколько и свойств!

Полковник Оллькот, Джэдж, Синнет и многие другие из числа убежденных Теософов, утверждающих свое личное общение с ними, много раз объясняли мне, что, раз убедившись в готовности Махатм споспешествовать во²³ имя науки и гуманности инициаторам теософического движения, они нимало не смущаются неверием света в существование эти «великих Учителей, победивших плоть и познавших скрытые законы природы до полного подчинения некоторых из них своей воле»...

Когда нам случалось в беседах с Е[леной] П[етровной] возмущаться, что за монополия знаний и духовной власти приписывается ими «Тибетских магам», – она всегда возражала, что они говорят именно о тибетских потому, что *их* знают, а не других, но что это вовсе не значит, что в других странах²⁴ нет подобных им...

«Везде и во всех века бывали и будут чистые сердцем люди, которые, побеждая²⁵ земные помыслы и плотские страсти, так возвышают свои духовные способности, что им открываются тайны бытия и сокрытые от непосвященных законы, движущие природой, – много раз принималась она нам толковать. – Как их ни преследуй слепые люди, как ни называй: магами, волхвами, радж-иогами или святыми, – они жили и живут всюду, познанные или не познанные... Для таких, просветившихся при жизни, нет ни препон, ни плотских уз: они не знают ни пространства, ни времени, а *живы и деятельны в теле и вне тела*. Они там, куда переносятся

²¹ Далее зачеркнуто: *когда*.

²² Ин. 1, 13.

²³ Полк[овник] Оллькот, Джэдж и Синнет, да и многие другие из числа убежденных теософов, утверждающих свое личное общение с ними, много раз говорили мне о них в таком смысле, что они, «убедившиеся в готовности Братства Махатм споспешествовать во. – *Черновая запись В.П.Желиховской*.

²⁴ Далее зачеркнуто: *их*.

²⁵ Далее зачеркнуто: *свои*.

мыслью и волей, ничем не прикованные, ни к месту, ни к своей временной, смертной, телесной оболочке».

Мы спрашивали: почему же они не всегда и не всем, хотя бы в них верующих, помогают? Е[лена] П[етровна] резонно отвечала, что они не могут отвращать неизбежного, становиться между человеком и выполнением *«кармы»*, которую тот сам для себя выработал.

Она всегда с нами соглашалась, что у нас, в России, где, благодарение Богу, в православии живы заветы учения Христа, а материализм не вьелся в плоть и кровь народа, как на Западе, теософия может иметь лишь отвлеченный научный интерес. Зато не могли мы и с нею не согласиться, что в Западной Европе всякое учение, пробуждающее веру в духовную сторону бытия, – благодетельно!

Едва кончился оплаченный срок за квартиру в Неаполе, Е[лена] П[етровна] тотчас решила перебраться куда-либо в Германию, «где зимой хоть холодно, писала она, да есть печки, камины, двойные окна» и пр[очие] приспособления, которых даже в палаццо в Италии не имеется. Все время не переставая призывать к себе Н.А.Фадееву, она ей предоставляла выбор места в южной Германии, куда бы ей было возможней приехать, говоря, что ей решительно все равно, лишь бы немножко комфорта, тепла, тишины и спокойствия, чтоб могла она серьезно приняться за свою «Тайную Доктрину». Во всех письмах ее к нам она старалась поправить невыгодное для ее Адиарских Теософов мнение, составившееся нами поневоле из бестолкового с нею обращения. Первые жалобы, вырвавшиеся у нее, она теперь относала к своему болезненному состоянию; горячо оправдывая Олькота и других, уверяя, что они сделали «все, что могли», она в доказательство верности и преданности Об[ществу] приводила нам сотни писем от представителей различных ветвей в Индии, Англии и особенно в Америке, бурно восставших против ее «отставки», которую, едва приехав в Европу, она поспешила, по совету Олькота, чрез него подать²⁶. Большинство, надо сказать правду, *громдное большинство* возмутилось даже возможностью такой сумасбродной мысли и разразилось гневными протестами против президента и всех Адиарских заправил и самыми убедительными мольбами к ней, чтоб она их не оставляла, что они не признают другого главенства, кроме нее одной. Она присылала нам десятки таких воззваний.

В то же время все ее письма дышали успокоением, даже радостью, вызванной множеством доказательств дружбы «*таких преданных друзей, как Вс. С.Соловьев*», писала она в Августе: «Мы с ним вместе путешествовали по Швейцарии. Даже не знаю, за что он так привязался ко мне? Ведь, в сущности, я не могу помочь ему ничем; почти ничего не могу исполнить из того, на что он надеялся... Бедный он человек! Мне так жаль его и их всех!..» Она восхищалась климатом и картинами Швейцарии. Она всю жизнь обожала природу.

«Никогда мне так легко не дышалось! – радовалась она. – Я даже могу ходить, как десять лет не ходила!»

В это время даже вся горестная передрыга ее жизни представлялась Елене не в черном, а в юмористическом свете, и она так мне писала в Сентябре 1885 года:

«Не хотят мои преданные Теософы оставить меня в покое! Зовут в Лондон... Хотят, чтобы я встала во главе Европейского Т[еософического] Об[щества], издавала бы здесь свой *Theosophist*; а индусы тоже одолевают письмами! Зовут назад в Индию, грозят бедному Олькоту бунтом без меня... В их глазах он только исполнитель моих вдохновений, а я – Главная жрица и пифия. А читала ты, как в Лондоне на митинге Психического Общества психисты меня обвиняли публично, что я и Теософию создала, и Махатм выдумала, и фокусничала все с одной единственной целью “*политической интриги за Россию*”, которая мне за это *платила!*?!?! Даже такие бешеные консерваторы и русофобы, как Синнет и лорд Во[r]thwick²⁷ возмутились такой бессмысленной глупостью²⁸!.. Обвинение их основано единственно на том, что со времени моего приезда в Индию некоторые англо-индийские журналы перестали так ругать Россию, как прежде. В этом есть доля правды. Почти все редакторы лучших газет, как “*Indian Mirror*”, “*Amrita Bazar Patrika*”, “*The Hindu*” и пр., – Теософы и мои личные друзьям, знали прекрасно, что каждое сказанное ими против России слово – режет меня по сердцу! Особенно, если оно *по-английски* несправедливо. Ну и воздерживались... А меня за это произвели в *оплачиваемую* официальную шпионку. Господи! Узнаю свою вечную долю: *d’avoir la réputation sans en avoir eu le plaisir*²⁹!.. Уж хотя бы этим какую-нибудь пользу родной России принесла, а то и того нет! Так себе, отрицательные, мелочные результаты...»

²⁶ См.: Крэнстон С. Е.П.Блаватская: Жизнь и творчество основательницы современного теософского движения. Рига-М., 1999. С. 335.

²⁷ Бортуик.

²⁸ А.П.Синнетт в знак протеста вышел из ОПИ (см.: *Journal of the Society for Psychical Research* (Лондон), 1885, октябрь. С. 86–87).

²⁹ иметь известность, не имея от этого удовольствия (*фр.*).

«...Я понимаю, – пишет Е[лена] П[етровна]³⁰ в другом письме, – что Психическому обществу, вначале отогревшемуся в гнездах Теософического Об^{[шест]ва}, как воровская кукушка отогревает свои выводки в чужих гнездах (когда – помнишь? – Майерс еще все тебе письма писал и меня просил, чтоб я тебя упросила ему из России корреспондировать?), невозможно было отделиться от нас. Опасно было бы Майерсу, который бьет на то, чтоб не расходится с европейской наукой, честно и бесстрашно заявить, что все наши феномены *не* фокусы и *не* ложь, а результаты сил, не известных европейским ученым. Против них восстали бы главные общественные силы в Англии: духовенство и корпорация представителей науки. Мы же, теософы, их не боимся: идем вразрез. Наше Об^{[шест]во} у всех ханжей-иезуитов и псевдоученых – как бельмо на глазу, а уж я-то как русская являюсь именно козлом отпущения. Надо же было объяснить мое влияние, вот и написали обвинительный акт, целую книгу, – измышление прежнего друга и приятеля Майерса, – начинающуюся словами: “We proclaim Mme Blavatsy the grandest, the cleverest, the most consummate impostor of the age!...”³¹ И впрямь! Только подумай: я одна приезжаю в Америку, выбираю Оллькота, спиритуалиста, и начинаю работу – *пролог* над ним – и немедленно свожу его с ума. Из ярого поклонника спиритизма он делается теософом. Тогда я, не умея в то время и трех английских слов правильно написать, сажусь и пишу “Изиду”; ее появление производит, с одной стороны, фурор, с другой – скрежет зубовой. Тут я *выдумываю* Махатм – и тотчас десятки людей в них уверывают! Многие *их видят*. Начинается ряд феноменов на глазах сотен людей... Через год Об^{[шест]во} считается тысячами членов. “Хозяин” является Оллькоту, приказывает ему переселиться в Индию. Мы едем и по дороге печем новые ветви, как горячие булки: в Лондоне, в Египте, в Корфу, наконец у нас, в Индии;³² Общество разрастается в десятки тысяч, – заметь: *это все мои фокусы!*.. Письма Махатм так и валяются во всех концах света на всех языках, на санскритском, индостанских наречиях, на древнем *телугу* (малоизвестном даже в Индии), – *это все я фабрикую*, – пока одна. Но вскоре я ловко из обманутых и водимых мною за нос делаю себе – *des compères*³³: я учу их писать мной измышленными почерками подложные письма и производить *фокусы*... Когда я в Мадрасе, феномены, происходящие в Бомбее или Аллахабаде, производят мои *confédérés*³⁴. Кто они эти сообщники? *Не выяснено*. Заметь эту фальшь: перед Оллькотом, Нübbe Schleiden’ом, Гордонами³⁵, Синнетами и прочими *своими* людьми – Майерс учтиво извиняется, признавая их лишь *слишком легковерьными* моими бедными *dupes*³⁶. Так кто ж обманщики-то *вместе* со мною??. Вот в чем задача, которую мне мои судьи и обвинители никак не могут объяснить, как я им не доказываю, что они должны же существовать, а иначе им грозит неминуемая необходимость признать меня окончательно *волишебницей*. Еще бы! В пять лет я сотворяю громадное Об^{[шест]во} из христиан, индусов, буддистов; негде не бывая, болея, сидя сиднем за работой, результаты которой очевидны, я, престарелая русская баба, накидываю сети на тысячи людей, без признаков помешательства верующих в мои феномены, на сотни передовых мыслителей и ученых, которые из материалистов обращаются в духовидцев, – как же не быть мне “величайшей обманщицей и фокусницей”?.. В отчете о моих злодеяниях прямо говорится:

“Не думайте наивные Англо-саксонцы-теософы, что влияние Mme Blavatsky распространяется в Индии только на вас: *it goes far beyond*³⁷! Когда она вернулась в Мадрас, около 800 человек, студентов *не* теософов, подали ей сочувственный адрес. Ее влияние громадно! *Нечего не может быть для нее легче, как развивать ненависть к Англии в сердцах индусов* и медленно,

³⁰ Далее зачеркнуто: *Б.*

³¹ «Мы провозглашаем мадам Блаватскую величайшей, искуснейшей, наиболее совершенной мошенницей века!..» (англ.).

³² Далее зачеркнуто: *оно.*

³³ пособников (фр.).

³⁴ сообщники (фр.).

³⁵ Речь идет о Генри Родесе Гордоне (1822–1909), генерал-майоре англо-индийской армии, и его жене Елене Генриетте, членах Теософского общества.

³⁶ простофилями (фр.).

³⁷ *это выходит далеко за рамки* (англ.).

но верно *подготавливать почву к русскому нашествию!*”³⁸ Вот чего перепугались! Вот тебе и – russian spy³⁹!.. Какой там шпион? Целый завоеватель!.. Можешь гордиться такой сестрой... Ну, теперь не мое дело, а всех теософов. Пусть они дерутся за меня, а я сижу себе в Вюрцбурге, жду обещанного приезда Нади (Н.А.Фадеевой) и ни с места отсюда. Пишу новую книгу, которая заткнет за пояс двух *Изид!*»

В то же время она писала и Синнетам:

«Ну что ж, друзья мои, я очень рада! Mme Blavatsky охотно согласна, чтоб все поверили, что она в продолжение двадцати лет сумела одурачить (she has bamboozled) умнейших людей своего времени во всем мире, в особенности в Англии!.. К чему настоящие, *натуральные* феномены, когда сама проявительница тысячи фокусов такой воплощенный феномен, что творит все это и более того? Мне не на что жаловаться!»

«Когда я с женой посетили ее в Вюрцбурге осенью, – пишет Синнет, – мы еще нашли ее в кипучем негодовании, но несколько утешенную приездом друзей, тетки ее, г[оспо]жи Фадеевой, которую она горячо любит... Ей вообще было лучше, и *по некоторым признакам* мы стали надеяться, что вскоре она серьезно примется за свое новое сочинение...»

В самом деле, в начале Октября он получил от Е.П.Б[лаватской] письмо, где высказывалось следующее:

«Я очень занята “Тайной Доктриной”. *То, что было в Нью-Йорке* (она разумела картины ясновидения, при которых писалась *Изида*), повторяется еще несравненно яснее и лучше! Я начинаю надеяться, что эта книга отмстит за нас. Такие картины, панорамы, сцены, допотопные драмы, вместе взятые!.. Еще *никогда я лучше не слышала и не видала*».

³⁸ Отчет ОПИ о мадам Блаватской и Теософском обществе // *Труды Общества психических исследований*, 1885, т. III, декабрь. С. 314.

³⁹ русский шпион (англ.).

Поселившись в живописном Вюрцбурге, Е.П.Блаватская нахвалиться не могла, в особенности вначале, своей обстановкой и «друзьями» (к несчастью, она очень была щедра на это наименование!), не оставлявшими ее одной. Дождалась она и радостного для нее приезда Н.А.Фадеевой и, разумеется, В.С.Соловьева, прогостившего⁴⁰ несколько недель. Это – увы! – было его последнее дружеское посещение... В течение его разыгрались сами по себе ничего не стоившие обстоятельства касательно индуса Могини и преследовавших его своим *вниманием* альбионских дам. Е[лена] П[етровна] просила г[осподина] Соловьева умолчать о том, что он слышал в ее доме по поводу этого «скандального для целомудренного *челы* происшествия», – он же поспешил по возвращении в Париж об этом рассказать⁴¹. С этого начались бесконечные объяснения и препирательства, закончившиеся окончательным обозлением его, раздраженного уже и без того тем, что [он] не мог получить при содействии Е[лены] П[етровны] всех благ, каких ожидал от ее «всесильных» покровителей, Махатм.

Были и кроме «*инцидента Могини*» другие, так сказать, *домашние* недоразумения⁴² между г[осподином] Соловьевым, сестрой моей и близкими ей людьми, возникшие из-за несдержанности речей еще третьего, постороннего семье нашей, лица. Не буду входить в подробности этих печальных дразг. Скажу только, что вероятно г[осподин] Соловьев все еще надеялся на что-нибудь, ожидал, что выйдет хоть что-нибудь для него практично-полезное из его столь продолжительной и старательной игры с Блаватской в дружбу и преданность⁴³. Вот к примеру отрывки из одного его письма (8 Окт[ября] [18]85 г.) из Парижа по возвращении из Вюрцбурга, которое позволяет это предполагать.

«Дорогая Елена Петровна, что лучше: писать зря или молчать и действовать на пользу своего корреспондента? Я подружился с Mme Adam, много говорил ей о вас, очень заинтересовал ее, и она объявила мне, что ее *Revue* открыта не только для теософии, но и для защиты *лично вас*, если понадобится. Я расхвалил ей Mme de Morsier, одновременно нашелся еще один человек, говоривший в том же тоне... Во всяком случае, это очень хорошо. Сегодня провел утро у Рише⁴⁴ и опять-таки много говорил о вас по случаю Майерса и Псих[ического] Об[щества]. Я положительно могу сказать, что убедил Рише в действительности вашей *личной* силы и феноменов, исходящих *от вас*. Он поставил мне категорически *три* вопроса; на первые два я ответил утвердительно; относительно третьего сказал, что буду в состоянии ответить утвердительно, без всяких смущений, через два или три месяца. Но я не сомневаюсь, что отвечу утвердительно, и тогда, увидите, будет такой *триумф*, от которого похерятся все психисты. Да, так оно и будет, ибо ведь не играли же вы мной, как “пешкой”! – “Изида” отправлена и вы ее, конечно, уж получили... Я выезжаю послезавтра в Петербург...⁴⁵

Вам сердечно преданный Вс. Соловьев»^{46 47}.

⁴⁰ Далее зачеркнуто: *у нее*.

⁴¹ В письме, которым он предупреждает сестру, что ее «предостережение пришло слишком поздно», что он уж рассказал, что «она теософка желала соблазнить челу», он успокаивает ее тем, что заявил также, что этот «чела» *остался на высоте своего призвания*... «Так что видите, репутация Могини не страдает нисколько и никаких вам неприятностей быть не может»*... Тем не менее, неприятности были и весьма крупные, благодаря этой болтливости. – *Примечание В.П.Желиховской*.

* См.: ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 88. Л. 39–39об.

⁴² Далее зачеркнуто: *возникшие*.

⁴³ ...[мно]гострадальную голову Елены Петровны... В начале еще г. Соловьев сдерживался, выжидая: не выгорит ли. – *Черновая запись В.П.Желиховской*.

⁴⁴ Рише Шарль Робер (1850–1935) – французский физиолог и бактериолог, лауреат Нобелевской премии 1913 г., внес немалый вклад в разработку проблем научной психологии; проводил исследования телепатии, ясновидения, феноменов раздвоения, перенесения чувствительности наружу (экстериоризации) и т.п., пытаясь этим явлениям дать естественнонаучную интерпретацию; президент Общества психических исследований в Лондоне (1905); в 1921 г. опубликовал первую сводку парапсихологических фактов; автор книги «Трактаты метапсихики», в которой приводятся многочисленные свидетельства реальности факта материализации духа в каких-то неведомых особенных формах материи, и романа-утопии «Отрывки из будущей истории».

⁴⁵ Далее зачеркнуто: *Что-то будет?!*

⁴⁶ ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 88. Л. 37–38об.

По всей вероятности, того, чего ожидал г[осподин] Соловьев от всемогущих Махатм через «два или три месяца», ему тоже дано не было, ибо по возвращении из Петербурга в Париж он круто и уж бесповоротно меняет свои мнения о Т[еософическом] Об[ществе] и Е.П.Блаватской, к которой чувства его радикально изменяются, несмотря на столь частые уверения его в том, что «меняться не в его нравах»⁴⁸...

Вот уж какие⁴⁹ – совсем иного рода, чем все прежние, – признания срываются с его пера:

«Елена Петровна! Вы слишком умная женщина, чтоб долго предаваться ярому безумию, в котором вы написали ваше вчерашнее письмо... Если б я был действительно *ваш личный* враг, то теперь с торжеством ожидал бы Вашего явления в Париж и Лондон и хладнокровно присутствовал бы при вашей гибели, которая мне-то уж повредить не может никоим образом, *ибо во все время моего знакомства с вами я поступал*⁵⁰ сознательно. Каждый мой шаг относительно вас, каждое мое слово, *сказанное* вам мною или *написанное*, прямо указывает на мою *цель*, в которой для меня – как для русского человека и христианина – нет бесчестия (!?!). Цели этой, как вам известно, я достиг (недаром сидел в вонючем (?) Вюрцбурге 6 недель!). Неужели вы думаете, что меня можно застрасывать нахальной клеветой и ложью (?) и что у меня не подготовлено для Вас на всякий случай, – ибо я всегда всего ждал от вас (?.. в то время как клялся вам в сыновней преданности, любви и уважении – следовало бы прибавить г[осподину] Соловьеву!), – изрядное количество *сюрпризов*?⁵¹ Это вот вы только сами себе злейший враг и не знаете, что делаете и к чему стремитесь, – я же отлично знаю, что будет и что я делаю, хоть меня и не наущают Ваши Махатмы. Ведь у меня голова холодная, как вы сами сказали; ну а у вас она горяча до непостижимости и, когда горит, Вы ровно ничего не видите»...

Это во многих отношениях замечательное письмо увенчано в конце одной фразой, составляющей заключение, достойное его смысла вообще:

«Если вы уподобляете себя кабану и желаете кусаться – пожалуйста! – *капканы* (!?) *готовы*»⁵²...⁵³

Браво! – таково было мое восклицание, когда я прочла это убедительное послание. Я сочла его образцом... гражданского мужества. В самом деле, много надо иметь человеку твердости духа, чтоб искренно сознаться в двухлетней постоянной лицемерной комедии, разыгрываемой с тем, чтоб *изловить в капкан* и достигнуть какой-то цели, губительной для избранной им жертвы⁵⁴...⁵⁵ И в таком образе действий, по мнению г[осподина] Соловьева, «нет бесчестия для Христианина и русского человека»?! Бедные русские люди!

Но какое бы фиаско не потерпел г[осподин] Соловьев в своем желании «погубить» Блаватскую, все же он достоверно может похвалиться тем, что ему этой новой глубокой царапиной по больному сердцу ее удалось на значительный срок сократить ее жизнь, вновь доведя ее до крайне болезненных припадков. Она, к несчастью, не умела ни любить, ни страдать

⁴⁷ Курсивы в словах этих двух писем г[осподина] Соловьева – его собственные. – *Примечание В.П.Желиховской.*

⁴⁸ ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 88. Л. 25.

⁴⁹ Далее зачеркнуто: *рода*.

⁵⁰ Одна лишь эта знаменательная фраза до слова «сознательно» – мною подчеркнута. – *Примечание В.П.Желиховской.*

⁵¹ Далее зачеркнуто: (*браво г. Соловьев*).

⁵² Письмо Вс. С.Соловьева Е.П.Блаватской, февраль 1886 г., Париж // ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 89. Л. 24–25об.

⁵³ По какой причине г[осподин] Соловьев предрекал *гибель* сестре моей, если она придет в Париж или Лондон, не известно... Когда она после того приехала в Париж – ее там встречали с торжеством и радостью; в Лондоне же она жила последние годы жизни и всегда пользовалась почетом и уважением. Вероятно, это была одна из многих его богатых фантазий. – *Примечание В.П.Желиховской.*

⁵⁴ Далее зачеркнуто: *цели*.

⁵⁵ Цель эта была, конечно, изобличение Е[лены] П[етровны] в том, что она делала фокусы, а не чудеса. Но для этого не стоило трудиться с таким ущербом своей искренности: Е[лена] П[етровна] сама называла <Далее зачеркнуто: *свои*> не ею прославлявшиеся феномены «psychological tricks» – т.е. *психологические фокусы*. Она печатно много раз это высказывала и всеконечно ни она и ни один серьезный теософ никакой важности и никакого «теософического значения» им не придавали. Смешно думать, чтоб феноменами, в Индии проделываемыми на всех перекрестках, возможно было возбудить такое умственное движение, какое Е.П.Б[лаватская] произвела своим учением и сочинениями. – *Примечание В.П.Желиховской.*

вполовину. Легковерная, несмотря на свои дары ясновидения, она легко привязывалась, а обманываясь в людях, которым верила, страдала глубоко, гораздо более, чем большинство их того заслуживало... Огорчения эти постоянно действовали разрушительно на ее организм.

Новое расстройство ее здоровья ознаменовалось сильным и продолжительным обмороком. Это было уж после отъезда Н.А.Фадеевой, но, к счастью, она все же была окружена преданными ей людьми⁵⁶...

«Перепугала я их, бедных, – пишет Е[лена] П[етровна], – говорят, с полчаса была как мертвая. Отпоили они меня digitalis'ом⁵⁷. Я упала в гостиной, а очнулась уж раздетой в постели с доктором в ногах кровати и заливавшейся возле меня слезами Mlle Hoffmann. Добродетельный Гюббе-Шлейден, президент Об^{[шест]ва} в Германии, сам бегал в город за доктором; а мои милые дамы – жены живописцев Тедеско⁵⁸ и Шмихена⁵⁹ и старая Mlle Hoffmann – всю ночь возле меня просидели...»

Одной ее не оставляли более, как только местопребывание ее стало ведомо. Она часто очень тяготилась постоянными посетителями, мешавшими ей писать. В это время очень кстати приехала к ней графиня Вахтмейст[е]р⁶⁰, преданная теософии и действительный «друг», – каким осталась она навсегда и поныне. Под ее преданной охраной, избавлявшей Блаватскую от всех забот житейских, не допуская до нее утомлявших ее вечных посетителей и любопытных, она поправилась и в продолжение нескольких месяцев вела жизнь спокойную и вместе в меру занятую, сразу подвинувшую «Тайную Доктрину», столь нетерпеливо ожидаемую ее прозелитами, почти до половины.

Но в книге судеб определено было Е.П.Б[лаватской] никогда не знать душевного покоя. За несколько месяцев до того (в Июне 1885 г.⁶¹ ее сильно огорчила смерть двоюродного брата Александра Юльевича Витте⁶², в Октябре же [18]86 [г.]⁶³ еще сильнее поразила скоротечная кончина родного брата нашего Леонида Петр[овича] Гана, человека тоже еще молодого и к тому же оставившего вдову и дочь без всяких средств к жизни. Она горько соболезновала о них и горевала, что не может их обеспечить. Всегда готовая делиться последним, она, в данную минуту не имея свободных денег, тотчас послала продать несколько золотых вещей, чтобы немедленно им помочь. Тут вскоре подоспело и еще одно удовольствие: вышел из печати пресловутый «Отчет» Психического Об^{[шест]ва}, вновь подливший масла в остывавший было огонь ее негодования и обиды. Предоставляю желающим подробно познакомиться с его нелепостями и клеветами читать о них в подлиннике или в показаниях недоброжелателей сестры моей; без сомнения, найдутся

⁵⁶ ...оскорблений, насколько хватит возможности. Истинные <...> последователи ее благородного учения все преданы Mme Blavatsky и любят ее горячо за ее добрую и великую душу, за ее самоотвер[женность]. – *Черновая запись В.П.Желиховской.*

⁵⁷ Дигиталис – препарат для лечения хронической сердечной недостаточности.

⁵⁸ Тедеско Мишель (1834–1917) – итальянский художник.

Гофман Тедеско Джулия (1843 – после 1918) – немецкая художница, жена М.Тедеско.

⁵⁹ Шмихен Герман (1855–1923(1925)) – немецкий художник, теософ.

⁶⁰ Вдова Министра Иностранных дел в Стокгольме. – *Примечание В.П.Желиховской.*

Вахтмейстер Констанс (1838–1910) – член Теософского общества с 1881 г., в 1885–1887 гг. сопровождала Е.П.Блаватскую во время ее проживания в различных европейских городах, с 1887 г. работала в Лондоне в Теософской издательской компании, с 1890 г. секретарь и казначей Лондонской ложи Теософского общества, жена К.Вахтмейстера (1823–1871), министра иностранных дел Швеции.

Вдова шведского посланника, бывшая до брака своего фрейлиной принцессы Дагмары Датской, нашей настоящей Императрицы*. – *Черновая запись В.П.Желиховской.*

* Мария Федоровна (при рождении Мария София Фредерика Дагмар (Дагмара), 1847–1928) – российская императрица, супруга императора Александра III (с 1866 г.), мать императора Николая II.

⁶¹ Ошибка, необходимо: 1884 г.

⁶² Того самого Александра Витте, которого она, будучи в Америке, во время нашей последней войны с турками видала в видении с окровавленной головой, перед тем как он действительно чуть не погиб, контуженный в голову. – *Примечание В.П.Желиховской.*

Витте Александр Юльевич (1846–1884) – подполковник, двоюродный брат Е.П.Блаватской.

Того самого, которого она в Америке во время нашей последней войны с турками видала в видении окровавленного, перед тем как он действительно едва не пал в бою. – *Примечание В.П.Желиховской.*

⁶³ Ошибка, необходимо: [18]85 [г.].

люди,⁶⁴ которые не остановятся ни перед чем в желании бросить лишним комом грязи в память умершей: те широко воспользуются, конечно, богатым матерьялом, заключающемся в «Очете», невзирая на⁶⁵ множество протестов и *изобличений в неправде*, которыми люди, причастные и не причастные к Теософ[ическому] Об^{[шест]ву}, печатно разбивали его доводы. По-моему, беспристрастному человеку, чтоб убедиться в недобросовестности господ психистов, совершенно достаточно познакомиться с тремя следующими обвинениями их: 1) Махатм никогда не бывало – Блаватская *сочинила* их. 2) *Письма* их, Махатм (заметьте: на всевозможных европейских языках, а также на древних и новых различных индостанских и сингалезских наречиях) писал *Бабула* – мальчишка-индус, слуга Е.П.Б[лаватской], почти безграмотный, – или же сама она. 3) Все это она делала лишь в видах русской пропаганды в Индии, что свидетельствует отрывок из ее «*воззвания* (!) к русской армии», найденный в бумагах ее, доставленных госпожой Coulomb...

Отрывок этот, без конца и начала, оказался действительно *отрывком* – из перевода статьи Гродекова в «Новом Времени» о путешествии его по Афганистану⁶⁶... Она ее переводила для газеты «The Pioneer». Это было доказано печатно без апелляций, но, разумеется, ни к чему не послужит тем, кто, не зная всего дела, прочтут указания на «*Отчет*» без указаний на оправдательные протесты⁶⁷. Ведь уж сколько раз печатались Т[еософическим] Об^{[шест]вом} показания экспертов-каллиграфов (германских и английских судебных инстанций) в том, что между почерком Е.П.Блаватской и письмами Махатм *нет ничего общего*, ни одной линии, которая могла бы возбудить подозрения, – но, тем не менее, многие, желающие обвинить в этих «подлогах» Блаватскую, – обвиняют ее! И будут обвинять *quand même*⁶⁸ – так водилось всегда и будет водиться до скончания века.

⁶⁴ Далее зачеркнуто: *и*.

⁶⁵ Далее зачеркнуто: *то*.

⁶⁶ Гродеков Николай Иванович (1843–1913) – генерал от инфантерии (1900), участник Среднеазиатских походов, приамурский генерал-губернатор (1898–1902), туркестанский генерал-губернатор (1906–1908), военный писатель. В 1878 г. совершил конный пробег через северный Афганистан и северо-восточную Персию; написал об этом путешествии книгу «Через Афганистан» (130 стр.), которая была издана в 1880 г. издательством газеты «Новое время».

⁶⁷ В случае если бы нашлись желающие (прочитавшие обвинение Психич[еского] Об^{[шест]ва} на Блаватскую) прочесть и оправдание ее людьми, близко знавшими дело, указываю адрес, откуда они могут их иметь: *London, 7 Duke Street, Adelphi*. Или же: *Avenue Road 19*. – *Примечание В.П.Желиховской*.

⁶⁸ вопреки всему (*фр.*).

XVII

С начала Января месяца графиня Вахтмейстер, которой необходимо было ехать в Швецию к сыну и в имение свое, начала усердно призывать нас к⁶⁹ Елене Петровне, считая невозможным оставить ее, больную и встревоженную, на попечение одной прислуги и знакомых в Вюрцбурге. Любопытно описывает графиня в одном из первых писем ко мне, как она узнала Е.П.Блаватскую.

Оставшись очень рано вдовой, графиня Констанция Вахтмейстер обратилась, как и многие, ища утешения, к спиритизму; но вскоре открыв на собственном здоровье, как опасны последствия медиумизма, поборолась в себе это состояние силой воли и обратилась к Теософическим теориям, в которых нашла объяснение многому, что ее смущало прежде.

«Я убедилась, – пишет она мне, – что человек имеет двойственную силу и что для некоторых избранных, умеющих развить свои духовные свойства до возможного смертному совершенства, – время и расстояние не существуют, что они могут переносить свое духовное тело, о котором так красноречиво повествует нам Св. Павел, на какие угодно расстояния в одно и тоже время. Разумеется, не одаренному свыше до таких свойств и возможностей дойти весьма трудно, но бывают счастливы с рождения самой природой снабженные дарами, облегчающими им достижение этих свойств: такова сестра ваша, я в том совершенно убедилась...»

Прерываю письмо, чтоб заметить, что мы получили десятки такого рода заявлений и знаем сотни людей, убежденных, также как и графиня, в высоких ок[к]ультических дарах Е.П.Б[лаватской]. Из этого не следует, чтоб мы, ее близкие, разделяли вполне их мнения; но я считаю себя обязанной, если раз пишу о жизни ее, указывать на мнения о ней других, не руководствуясь одними собственными взглядами. По-моему, это необходимо, чтоб дать более всестороннее понятие о личности ее и впечатлении, которое она производила.

«Я стала ревностно читать все, что касалось до нее и ее учения, – продолжает Mme Wachtmeister, – и не могла не преклониться пред великой и благородной решимостью ее делиться с миром своими глубокими знаниями и истинами, добытыми ею ценой бесчисленных усилий и жертв...»

Затем следуют описания «изумительных способов» писания книги – «Тайной Доктрины», которой занята была Елена, ее ясновидений и проникновения мыслей, составлявших, по свидетельству графини, «обыденные явления их жизни в Вюрцбурге», и горячие призывы нас, ее кровных, горячо ею любимых, способных лучше всех других друзей утешить ее в печалях и поддержать.

Но, к несчастью, в то время, зимой, нам невозможно было ехать. Необходимо было дожидаться весны; а тут и еще одно, совсем уж неожиданное удовольствие обрушилось на голову Е[лены] П[етровны]: в Париже стали ходить во многих экземплярах копии с ее письма к г[осподину] Соловьеву⁷⁰, в котором *она сама заявляла, что нет никаких Махатм*, руководителей их учения, – что они точно *ее собственное измышление, порождение ее фантазии...* Такое «наглое сознание виновной» взбудоражило всех ее парижских друзей и последователей; ее же поразило еще несказанно больше, чем их и чем нас, ставших в тупик перед таким необъяснимым сумасшествием.

Зная, как тяготилась сестра моя просьбами г[осподина] Соловьева касательно помощи Махатм, просьбами, которых она никак не могла исполнить, я, услышав это необычайное заявление, подумала, что, верно, она прибегла к такому оригинально-неожиданному пассажу, чтоб только он ее оставил в покое... Мое подозрение разделяли многие, знавшие близко обстоятельства их знакомства и надежд, которые он вначале возлагал на ее дружеское расположение. Я спросила об этом сестру, дивясь, как же она, рискуя такими «откровенностями»⁷¹, не связала его обещанием

⁶⁹ Далее зачеркнуто: *сестре*.

⁷⁰ Письмо Е.П.Блаватской под названием «Моя исповедь»; см.: *Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 230–234.

⁷¹ Я в то время очень еще мало читала об Индии и сама, как уже мною неоднократно было заявлено в печати, смотрела несколько подозрительно на этих полусказочных созданий. Разумеется, я не могла думать, что они *выдуманы*, но склонна была верить, что их могущество сильно преувеличено прозелитами и что не все проявления их сил, прославляемых теософистами, несомненны. – *Примечание В.П.Желиховской.*

тайны?.. Сестра отвечала мне отчаянным письмом, которым высказывала полное недоумение⁷²... Зная ее горячность – ее «полоумие», как мы часто называли между собой ее несдержанность, – я легко могла предположить, что в припадке вспыльчивости она могла на себя наклепать, сочинить, как бывало не раз, особенно смолodu в ее жизни; но чего я никак не могла представить себе и объяснить, это было: как мог Вс. С.Соловьев так неосмотрительно предать ее частные письма гласности?.. Сестра умоляла меня у него побывать и прочесть *русское* письмо ее.⁷³ Г[осподин] Соловьев тогда только что возвратился из Парижа в Петербург, и я легко могла исполнить ее желание. Прочтя это громадное, сгоряча, как видно, написанное письмо, я удивилась и прямо высказала г[осподину] Соловьеву свое недоумение⁷⁴: никакого «признания» в выдумках и обманах насчет существования Махатм в письме положительно не было. Е[лена] П[етровна] лишь высказывала в нем сожаление, что она говорила в Европе о них, заявляя, что если бы знала она, как имена их будут вмешивать в дразги и «валить в грязи» (кажется, там была именно такого рода фраза, но за давностью времени за подлинность *слов* не ручаюсь), – она готова была бы лучше сказать, что их совсем на свете нет, что она «их сочинила» (как ее обвиняли иезуиты и психисты). На мое замечание, что я не понимаю, из-за чего сыр-бор загорелся, как могли французы вывести из этого *частного* письма, высказывающего лишь сожаление о том, что она, Е.П.Б[лаватская], не скрыла существование и имен Махатм, заключение, что она их выдумала и в том сознается, г[осподин] Соловьев отвечал, что сам он не понимает, с чего они взбаламутились против нее?..

В это время Е.П.Б[лаватская] при переезде из Вюрцбурга в Эльберфельд, куда ее и меня призывали гостить друзья ее, Гебгарды, вывихнула себе ногу, поскользнувшись, и вместо двух-трех недель пришлось ей остаться у них неопределенное время. Страстными письмами призывала она нас к себе, и я с старшей дочерью решила ехать в конце Мая.⁷⁵

Перед отъездом я очень просила г[осподина] Соловьева, чтобы он доверил мне письмо Е[лены] П[етровны], обещая возвратить его в целостности. Но он ни за что не согласился... Это странное обстоятельство поставило меня в тупик и в большое затруднение, так как мне очень хотелось засвидетельствовать заинтересованным в этом деле теософам, что в ее подлинном письме к г[осподину] Соловьеву никаких признаний не имеется.

Едва я приехала в Эльберфельд, я поняла, в чем дело... Фразы, писанные в русском письме в *условном* времени, *conditionnel*, были во французском переведены в *affirmatif*, что делало смысл их утвердительным. Как известно, *так* изменить смысл фраз на французском языке особенно легко: стоит только в глаголах опустить *s* на конце – вместо «je dirais que je les ai inventés»⁷⁶ написать: «je dirai que» и пр., и вместо: «я сказала бы» – выходит: «я скажу, что их выдумала» и т.д. Я, разумеется, теперь не помню оборота точных фраз, но верно знаю, что смысл письма выходил таков, будто она признавала себя виновной в *измышлении* личностей Махатм... Я тотчас написала г[осподину] Соловьеву, какая *неточность* *вкралась* в перевод, прося его прислать самое русское письмо или хотя бы засвидетельствованную с него копию, – но он ни слова не ответил. И сколько я и старшая дочь моя не писали ему об этом, прося дать нам возможность удостовериться всех, что он не причастен [к] этой *ошибке переводчика* и вместе с тем оправдать сестру в глазах парижских теософов посредством сличения ее письма с *неверным* переводом, – добиться от него ничего не

⁷² ...их могущество преувеличено и что не все проявления сил несомненны... Сестра отвечала мне отчаянным письмом, которым высказывала полное недоумение. Зная ее горячность, ее. – *Черновая запись В.П.Желиховской.*

⁷³ Не знаю, имеются ли у него еще какие-нибудь изболительные письма сестры моей, но то, которое он перевел в Париже. – *Черновая запись В.П.Желиховской.*

⁷⁴ Далее зачеркнуто: *по двум пунктам: во-первых.*

⁷⁵ ...и я с старшей дочерью в конце Мая собрались ехать. Не могу не помянуть, что все, что можно было сделать, чтоб отговорить нас от этой поездки, чтобы рассорить меня с сестрой и восстановить всю семью мою против нее, – все было сделано г[осподином] Соловьевым... Но *непонятный* инцидент письма, как я уже говорила, подорвал мое доверие к нему, и <Далее зачеркнуто: *к тому же*> т.к. я считала себя обязанной помочь, чем могла, сестре, написала сестре <...> такие признания не связала его обещанием тайны... Я в то время очень мало читала относительно Индии и сама (как уже мной было неоднократно заявлено в моих показаниях о Е.П.Б.) смотрела несколько проблематически на этих сказочных созданий. Разумеется, я не могла думать, что они выдуманы, но склонна была верить, что. – *Черновая запись В.П.Желиховской.*

⁷⁶ «я сказала бы, что их выдумала» (фр.).

могли... Увы! – повторилась в России история Мадрасских иезуитов: как они отказались показать письма Е.П.Б[лаватской], на которых построили ее обвинение, так и тут мы не могли убедить г[осподина] Соловьева позволить *сравнить* копию подлинного письма с неверным переводом⁷⁷... Конечно, убедившись в его положительном нежелании оправдать Блаватскую (да и себя вместе с ней!), я прекратила с ним переписку, но написала в Париж г[оспо]же де Морсье, главной обвинительнице моей сестры, верившей г[осподину] Соловьеву так же безусловно, как я когда-то ему верила, а также дала, по совести, показания комиссии, требовавшей моего свидетельства.

Все это дело⁷⁸ было в свое время напечатано в теософических журналах, но, разумеется, небольшое сравнительно количество лиц, прочитавших о нем отчеты, бороться с большинством, которое относится к вопросу легко, не вникая в подробности, никак не может, и тень, наброшенная на память Е.П.Блаватской, затемнится еще одним лишним пятном... *À bon entendeur – salut!*⁷⁹

Как бы то ни было, но я очень рада, что утешила сестру своими вполне правдивыми показаниями и что с нею свиделась. Мы провели с нею шесть недель в Эльберфельде, а потом переехали в Ostende, где ей были предписаны теплые морские ванны. Сюда приезжали к ней многие из Лондона и из Германии, между прочим, Mr Sinnett, усердно писавший ее биографию («Incidents in the life of Mme Blavatsky»), которой думал защитить ее от наветов противников, противопоставив ее басням, ходившим о ее происхождении и преступных действиях.

Первое время кроме слабости и боли в ногах, не позволявших ей ходить, Блаватская хорошо чувствовала себя в Остенде и писала о себе так:

«Засяду я теперь одна; из странствующего, незнающего покоя Вечного Жида, превращусь в “Краба-отшельника”, в окаменелую чучелу морскую, застрявшую на берегу. Буду писать и писать – одно утешение!.. Эх! Счастливы люди, могущие ходить!.. Что за жизнь вечно болеть, да еще и без ног!..»

Я очень боялась, уезжая, оставлять ее одну, но, к счастью, к ней скоро приехал индус Могини Чатерджи, потом профессор Берген⁸⁰ с женой из Стокгольма, молодой Гебгард, возвращавшийся из Америки⁸¹; обещала вскоре приехать и мать⁸² его погостить из Эльберфельда, а осенью должна была с ней снова поселиться, к величайшему нашему успокоению, графиня Вахтмейстер.

⁷⁷ Солов. гадость. – *Черновая запись В.П.Желиховской через всю обратную сторону листа.*

⁷⁸ См.: *Желиховская В.П.* Е.П.Блаватская и современный жрец истины. СПб., 1893. С. 137–147.

⁷⁹ Имеющий уши – да слышит! (*фр.*).

⁸⁰ Берген Карл (1838–1897) – шведский философ и писатель.

⁸¹ Гебхард Артур (1855–1944) – сын Г.Гебхарда, представлял его фабрику в Нью-Йорке.

⁸² Гебхард Мэри (1832–1892) – жена Г.Гебхарда, член Теософского общества.